

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА И ПУТЬ НА ВОСТОК*

Йеопуга Правер

Организация. Пропаганда первого крестового похода и ее последствия. “Крестьянский поход”. Мессеианские чаяния. Гонения 4856 (1096) года. Встреча с византийцами и сельджуками. Организованный поход рыцарства. Ополчения концентрируются в Константинополе. Готфрид Бульонский и лотарингское ополчение. Алексей Комнен и его отношение к планам крестоносцев в Азии. Ополчение норманнов из Италии. Провансальское ополчение. Северофранцузское ополчение. Вассальные клятвы руководителей похода Византийской империи. Ополчения переправляются на азиатский берег.

Клермонский собор завершился. Христиан Европы призвали создать армию, которая освободит “Гроб господень” из рук неверных. Как уже говорилось, в Клермоне не было ни одного влиятельного светского властителя, и “воодушевление многочисленной толпы”, о котором пишут более поздние источники, на самом деле ограничивалось узким кругом присутствующих. Простые рыцари, несколько церковных деятелей и, может быть, местные аристократы дали обет присоединиться к ополчению. Этим людей, конечно, было никак не достаточно для создания регулярной армии, способной выполнить такую миссию. Следовало донести клермонскую весть до всего христианского мира, организовать войско, обеспечить его всем необходимым и подготовить его путь на Восток.

Первые организационные шаги были предприняты еще до роспуска Клермонского собора. Был назначен предводитель ополчения – Адемар де Пюи, папский легат; выступление ополчения было назначено на середину августа 1096 года, после окончания жатвы, когда амбары полны и можно обеспечить армию всем необходимым для похода; местом сбора был объявлен город Пюи. Собор принял также решение о статусе крестоносцев: участие в походе с чистым сердцем, без земных расчетов¹, освобождает крестоносцев от наказаний, наложенных на них исповедниками для искупления грехов. Имущество крестоносцев, если таковое имеется, будет находиться под охраной епископов; все иски против крестоносцев откладываются – никто не имеет права привлечь крестоносца к суду во время его отсутствия, и все его долги замораживаются до окончания похода. Папа опасался, по-видимому, что к походу присоединятся нежелательные элементы – нежелательные в связи с их возрастом, или статусом (монахи и служители церкви), или экономическим положением (бедняки стали бы обузой для войска); поэтому было решено, что мобилизация будет проводиться только с согласия глав местных церквей. Заботу об экономическом обеспечении похода папа оставил руководителям крестоносцев.

* Правер, Йеопуга, “Организация первого крестового похода и путь на восток”, *История королевства крестоносцев в Стране Израиля*, Мосад Бялик, Иерусалим, 1971, 91–105 (ивр.).

По окончании собора его решения были разосланы, как обычно, главам церквей по всему христианскому миру, а церковные служители, которые присутствовали на соборе, привезли эту весть в свои приходы. Но этого было недостаточно. Сам папа лично стал пропагандистом собственной идеи и с зимы 1095 по весну 1096 года переезжал с места на место, проповедуя своей пастве. Его маршрут дает представление о его планах относительно формирования войска. Все его поездки были по Южной Франции, как на западе, так и на востоке этой области, но больше всего времени он провел в Провансе, входившем в сферу влияния Раймона IV, графа Тулузского и маркиза Прованского. Там осознание опасности нашествия со стороны “испанского” ислама подготовило почву для восприятия призыва папы. Затем папа пересекает Альпы, направляясь в Италию. Из портовых городов только Генуя обещала помощь, предоставив крестоносцам флот, и несколько североитальянских городов начали собирать отряды для похода на Восток.

Судя по всему, папа намеревался создать одно единственное и однородное ополчение, состоящее, в основном, из выходцев с юга Франции – в широком смысле этого понятия, т. е. с территорий к югу от р. Луары, под руководством Адемара де Пюи. Папа не верил, по-видимому, что войска с севера и запада Франции – из домена Капетингов, Шампани и Бургундии, присоединятся к походу после повторного отлучения папой короля Франции, – ведь это были “прокоролевские” области. Даже ополчению из далекой Фландрии он повелел явиться в Пюи, на юг, если они решат присоединиться к походу.

Отзыв на церковную пропаганду превзошел все ожидания. Следует предполагать, что сам папа был удивлен результатами своей деятельности не меньше, чем Алексей Византийский. Сбор ополчений, проходивший сначала медленно и только в определенных местах, превратился неожиданно в мощное движение, увлекшее за собой все. Весть о походе на Восток, возникнув в Клермоне и других центрах пропаганды, вскоре распространилась по всей Западной Европе, в основном на территориях с франкоязычным населением, к западу от Рейна. Не было такой деревни, городка или замка, до которых

бы не донеслось эхо клермонского призыва. Все более или менее отчетливые тенденции, корни которых – в религиозном чувстве, всплыли на поверхность и обрели размах. Много говорилось о богатстве Востока и его дочерях – красивейших из женщин, или о легкости завоевания, о трусости и вырождении мусульман. Пропаганда дилетантов и профессионалов описывала поход на Восток как шествие искупления, а путь в Иерусалим – как путь в Иерусалим небесный. Не было суеверия, которым бы не воспользовалась пропаганда. Являлись знамения на небе и на земле, природные явления объяснялись в соответствующем духе, монахи видели сны, отражающие их чаяния, а толкователи находили в этих снах смысл, отвечающий общей цели. Пропагандисты затрагивали все религиозные струны, обещая искупление грехов и очищение душ участников сего божественного похода и поддерживая мессианские надежды, ожидание конца дней, явления Антихриста и Последнего Суда.

В путь отправлялись не только отдельные земледельцы – целые деревни двинулись на Восток.

В замках и поместьях также сложилось твердое мнение, что место молодых – там, что участие в походе – одна из обязанностей христианина, и уж во всяком случае – рыцаря, уважающего себя и свое сословие.

Это общественное настроение, взлелеянное церковной пропагандой, вышло из-под контроля церкви и стало неуправляемым. В 1096 году все возжелали похода в полуденные страны и освобождения “Гроба господня”; это был год “исхода” из Европы.

Каким образом возникли эти ополчения, чей поход обычно называют “крестьянским крестовым походом”, – было загадкой даже для современников, которые фиксировали эти события, и остается загадкой по сей день. Вдруг появляются местные лидеры, из бедного рыцарства или даже крестьян, и вокруг них – масса, все прибывающая по мере их продвижения. Они концентрируются, по-видимому, на севере Восточной Франции, в Лотарингии, Фландрии и самой Германии, особенно в Западной, прирейнской Германии. Среди разношерстной

публики, составлявшей эти ополчения, выделяется фигура Петра Отшельника, он же Пьер из Ашери, что в районе Амьена (Pierre d'Achéry, Pierre d'Amiens, Пьер Амьенский). Легенда окутывала его образ еще при его жизни и отбрасывала тень на историческое исследование в течение почти семисот пятидесяти лет; эта легенда даже похитила у Урбана II его роль инициатора и организатора первого крестового похода². Этот Петр (Пьер), монах-отшельник, назначил себя провозгласителем крестового похода, как только до него дошли первые известия о Клермонском соборе. Как многие другие проповедники бедности в конце 11 века, он, возможно, также призывал к покаянию, и не исключено, что поход представлялся ему решением проблемы нравственности поколения, очищающим горнилом, в котором переплавятся пороки и станет возможным спасение. Он проповедовал там, где не побывал папа, – в домене Капетингов, в Центральной и Восточной Франции, в Орлеане, Шампани и Лотарингии (последняя находилась уже на территории Священной Римской империи). Оттуда он продолжает свой путь в Германию, пересекая Рейн и проповедуя в прирейнских областях. Петр отшельник вскоре перестал восприниматься народом как один из пропагандистов и проповедников, которых немало тогда бродило по французским и немецким областям, и превратился в глазах масс в пророка – с ореолом вокруг головы, с посланием небес в руке – в святого и чудотворца. Правда, Петр, насколько нам удастся понять его личность, не приписывал себе каких-то особых степеней святости. По-видимому, основной его интерес, как и у многих других в конце того века, состоял в улучшении нравственных и духовных путей поколения, и даже пропагандируя крестовый поход, он не прекращал своей проповеди, призывающей к раскаянию и добрым делам. Однако эта его проповедь привела к последствиям, к которым он не стремился, и которых, конечно же, не ожидал.

Массы, собиравшиеся в ополчения в начале 1096 года, не имели, как кажется, намерения присоединиться к рыцарско-папскому походу. Во всяком случае, мы видим, что они движутся на Восток уже весной, месяцев за пять до даты, назначенной папой, когда урожай еще не созрел. Их выступление, вызванное религиозным напряжением и энтузиазмом, привлекло внимание современников.

Последние не могли не усмотреть в этом перст божий, вдруг коснувшийся простого народа в их убогих жилищах, в глинобитных и покрытых соломой хижинах европейских деревень, похожих на могилы, – большинство их находилось в земле, и лишь меньшая часть возвышалась над ней. Именно беднота, люди из самых низших социальных слоев, начали покидать свои деревни, погрузив свое жалкое имущество и многочисленные семейства на повозки, запряженные быками и лошадьми, держа путь на Восток. Возле каждого города и замка дети, сидящие на повозках, спрашивали: это Иерусалим? Потому что им был нужен именно Иерусалим.

Только в публицистическом пылу или под влиянием предрассудков можно с уверенностью говорить, что именно двигало этими людьми. Нет сомнения в том, что самые различные факторы влияли на эту легковерную по своей природе массу, экономическое и социальное положение которой также весьма способствовало восприятию слухов о Востоке и вере в них; ее вели самые различные побуждения. “Иерусалим” был для них и земным Иерусалимом, и Иерусалимом небесным; а может быть, не стоит предполагать такую аналитическую способность в толпе, охваченной психозом “исхода” из Европы. “Иерусалим”, к которому они направляли свои стопы, был центром мира, центром, который весь – благо, столицей Земли Обетованной, обещанной для удовлетворения любого земного и чувственного стремления и любого духовного и религиозного чаяния. Никто из них никогда не видел Святую Землю и Иерусалим. Их образ Иерусалима складывался на основе слухов, мгновенно распространившихся в областях Северной Европы, и воспоминаний паломников, библейских книг, слов папы и комментариев его посланников и пропагандистов.

Можно составить впечатляющий список природных катастроф, обрушившихся на Европу в десятилетие, предшествующее крестовому походу³, но подобный список можно составить почти для любых других десяти лет в истории средневековой Европы. Возможно, влиянием бедности и эпидемий, свирепствовавших в то время в Европе, можно объяснить отклик многих участников крестьянского похода на призыв папы. Но даже если хотеть принять

такое объяснение, все равно нельзя утверждать, что крестьяне сами породили эту идею или что идея родилась только для того, чтобы разрешить социальные и экономические проблемы. Этим нельзя объяснить энтузиазм и кипение души огромной человеческой толпы. Мотивы крестьянского похода, предтечи первого крестового похода, не отличаются от тех, которые спустя несколько месяцев вдохновят поход рыцарей на Восток. Атмосфера обоих походов была одной и той же: атмосфера массового энтузиазма, поиска лучшей жизни на Востоке, чаяния спасения души и прихода Мессии. Экономические мотивы имели место во время обоих походов, но не они определили саму их сущность.

Мы подробно останавливаемся на этом вопросе, потому что он напрямую связан с историей еврейского народа. Если основные мотивы крестьянского похода были экономическими и социальными, то и страшные гонения 4856 (1096) года следует объяснять, полностью или большей частью, в связи с общественными и экономическими проблемами того времени. Однако источники, которыми мы располагаем и которые позволяют составить представление о характере крестьянского похода, указывают на другие мотивы (я имею в виду также и еврейские источники – хроники, знаменовавшие собой первый расцвет еврейской историографии в Средние века, в отличие от “плачей”, которые невозможно было бы отнести к определенному периоду, если бы в них не упоминались конкретные события). Религиозное напряжение, связанные с ним желания человека и стремления общества, подвигли массы погромщиков уничтожить одну из самых славных общин европейского еврейства – еврейство германских земель. Грабежи, погромы и резня “подкрепляли” требование креститься, которое толпа направляла к евреям, однако не в них была главная и самостоятельная цель погромщиков.

Еврейские и христианские источники – а между теми и другими существует взаимное влияние и обмен⁴ – в этом отношении единодушны: крестьянский поход поставил германских евреев перед выбором – крещение или смерть. И у нас нет причин сомневаться в достоверности этих сведений. Это можно понять, если принять во внимание

наэлектризованную религиозную атмосферу, возникшую в начале великого похода. С походом в Иерусалим людей, ощущавших себя борцами против Антихриста и избранниками, которые спасутся с приходом Мессии или воскресением мертвых, на фоне эсхатологических чаяний, еврейская проблема неизбежно должна была возникнуть как проблема религиозная. В “Рассказе о гонениях”⁵ рабби Шломо, сына рабби Шимона, мы читаем: “...проходя через места, где жили евреи, сказали один другому: «Вот мы идем в дальний путь искать дом позора⁶ и мстить исмаильтянам, а вот евреи, живущие среди нас, отцы которых убили его и распяли его ни за что. Отомстим-ка им сначала, и истребим их из народов, и не будет помянуто больше имя Израиля, или будут как мы и признают сына злоумышления⁷»”. Здесь явно слышен отзвук речей папы или его пропагандистов о позоре христианства – “Гроб господень” в руках мусульман, о мести врагам христианства и врагам Иисуса, ожидающего выкупа из мусульманского плена. Крещение еврейского народа как элемент апокалипсического процесса – часть христианской эсхатологической картины, которая восходит, с соответствующими изменениями, к еврейскому преданию о том, что в конце дней все жители земли примут единую веру. Христианские сочинения начала одиннадцатого века, которые были в той или иной форме известны поколению крестовых походов, вновь и вновь описывали, что произойдет на Святой Земле и особенно в Иерусалиме в конце дней. Знаменитое сочинение, написанное в середине 10 века, – “Книга об Антихристе”, вновь изданная в конце 10 и в начале 11 века, содержит версию “Сивиллиных пророчеств” о великом царе, который придет воевать с таинственным народом, “запертым и заключенным” Александром Великим, с “Тогом и Магогом”⁸; этот царь разрушит храмы язычников “и всех служащих идолам призовет к крещению, и над всеми храмами поставлен будет крест Мессии; и тогда придут евреи и признают Господа”⁹. Нетрудно было отождествить народы, живущие за Горами тьмы, с турками-сельджуками и усмотреть в крестовом походе начало христианского спасения и конца дней. Уже Григорий Великий в одной из самых известных и наиболее распространенных в средневековье книг, *Moralia*, возвещал крещение евреев в конце дней¹⁰. В этом сочинении о конце дней картина сменяет картину, и

все они заимствованы из еврейской традиции и напоминают мидраши об избавлении в духе *Нустарот де-Раиби*¹¹, а глава о крещении евреев заканчивается стихом из книги пророка Иеремии (Иер 23, 6): “Во дни его Иуда будет спасен и Израиль будет жить в безопасности”!

Из еврейской апокалиптики и эсхатологии выросли христианская апокалиптика и эсхатология; еврейские общины уничтожались в энтузиазме мессианских чаяний и ожидания страшного суда, воспринятых христианством от иудаизма, и под лозунгом ускоренного приближения конца дней. Погромщики, чья жестокость не знала границ, убивали евреев со стихами Пророков на устах. Основываясь на еврейской вере в то, что в конце дней знание Господа наполнит землю¹², христиане, называя себя “истинным Израилем”, старались принудить еврейские общины изменить своей вере; христиане ожидали конца дней в Иерусалиме, на Масличной горе и на Храмовой горе¹³. Возможно, великий враг евреев – Эмихо – отождествлял себя с этим царем, который должен прийти в конце дней, т. к. ему было откровение о том, что он будет коронован на юге Италии¹⁴; в любом случае весьма вероятно, что и он, и его враги воспринимали свои действия как “ускорение прихода конца” – они сами собственно-ручно “приближали” мессианский конец дней тем, что приводили евреев к крещению.

По окончании первых сборов и первоначальной организации было создано пять ополчений, которые отправились одно за другим из Франции на Восток, в германские земли; по пути к ним присоединяются маленькие отряды и немногочисленные рыцари. Эти ополчения движутся обычно вдоль Рейна на юг, затем на Восток по течению Дуная, пересекают границу Германии и Венгрии и достигают границ Византийской империи недалеко от города Белграда. Отсюда стратегически важная римская дорога вела через города Ниш, Филиппополь и Адрианополь в Константинополь – столицу Византии. Следующий “вал” крестоносцев катился по тому же пути, орошая германскую землю кровью святых Израиля, тех, кто отказался преступить свой закон и освятить Имя публично.

При звуках пения первых отрядов песни “За море”¹⁵, ужас охватил еврейские общины Франции и Германии. Монотонно звучал этот “марш” Первого крестового похода. По ритму и содержанию он больше походил на медленное и тяжеловесное религиозное песнопение, чем на марш будущих завоевателей. Но он выражал настроение ополчения: “Слушай нас, Царь Мессия, слушай нас, Господь, и путь наш направь. Смилуйся, Господь, смилуйся, Господь, и путь наш направь... Вождя нам дай, ангела прибавь, который приведет нас к тебе!”¹⁶ Если в дальнейшем этот вождь являлся в образе гуся, символа ведьм в Средние века, то следует помнить, что так “чистая” и “нечистая” силы запросто чередовались и соединялись в мотивах участников похода.

Страх еврейских общин был вполне обоснованным. Настроение христианского воинства было хорошо известно в еврейских кварталах и жилищах. Только одно поколение отделяло южнофранцузские общины от другого похода, похожего по сути на поход в Иерусалим и, конечно, напоминающего его по настроениям и чувствам участников. В начале шестидесятых годов 11 века, когда французы собирали ополчение, чтобы прийти на помощь испанцам, сражавшимся с мусульманами, тоже обошлось без еврейских погромов. Папа Александр II выразил тогда в письме ко всем испанским епископам свою радость по поводу того, что клир защитил евреев от тех, кто пришел сражаться с испанскими мусульманами: “Эти [люди] из невежества, глупости или слепого корыстолюбия хотели убить тех, кому любовь Господа, возможно, изначально уготовала спасение”. Папа опирается на мнение своего великого предшественника, Григория I, который был против убийства евреев, поскольку они являются “свидетелями веры”. А на вопрос, почему бы не уничтожить сначала евреев, если уж все равно идти на войну с иноверцами, папа отвечал: “Евреи – это не то, что мусульмане. Потому что оправданно сражаться с теми, кто преследует христиан и изгоняет их из городов и из их жилищ; но эти [евреи] – они всегда готовы служить”¹⁷. Нетрудно найти в словах этого папы упоминания реальных, вновь ставших актуальными во время крестьянского крестового похода. Призыв

“отомстим им прежде” был известен еврейским общинам, и смысл его слишком ясен.

Основное ополчение – Петра Пустынника – выступило в начале марта 1096 из Франции, и двенадцатого апреля проповедник установил свою кафедру в Кельне. На пути в Кельн к его отрядам присоединилось несколько французских рыцарей, в том числе семья Пуасси (Poissy), одному из членов которой, Готье Неимущему (Gautier Sansavoir), предстояло сыграть определенную роль в крестьянском походе. Петр провел в Кельне около недели (до 20 апреля), но часть его отрядов под предводительством Готье Неимущего оставила город раньше и отправилась на юг.

Французские общины уже предупредили общины прирейнских районов о надвигающейся опасности. Получив предостережение из Франции, община Майнца и вслед за ней другие общины объявили общественный пост и установили молитвы, дабы отменен был тяжкий приговор. Петр Амьенский даже привез с собой письмо от французских общин, которые просили своих братьев за Рейном снабдить его войска провиантом и всем прочим, необходимым для похода. На какое-то время показалось, что несчастья удастся избежать, откупившись от руководителей ополчений. Но вышло иначе. В лагере, лишенном единого руководителя, чей авторитет признавали бы все, не нашлось спасителя для общин Израиля.

Во главе ополчения, первым покинувшего Германию, стоял, как уже было сказано, Готье Неимущий. Это войско быстро добралось до границ Венгрии, где король Кальман (Coloman) снабдил их провиантом. В конце мая ополчение переправилось через р. Саву на территорию Византийской империи, недалеко от Белграда. Похоже, только теперь Константинополю стало ясно, что за народ явился с Запада его спасать. Разбой и вооруженные стычки, сопровождавшие продвижение этого войска по Венгрии и Балканам, были всего лишь прологом к тому, что учинили крестоносцы. Алексей был предупрежден; он предостерег также своих военачальников и предписал им политику “уважительного недоверия” к прибывшим. Крестоносцы получили все необходимое и одновременно с этим приказ двигаться

на Восток настолько быстро, насколько это возможно. Через месяц, в середине июля 1096 года, войско прибыло в Константинополь.

Большое ополчение Петра продвигалось вслед за первым ополчением. Спустя примерно три недели после прибытия войска Готье ополчение Петра добралось до границы Византии; Петр также получил помощь от венгерского короля, проходя по его территории. В порядке благодарности крестоносцы напали на Землин (Semlin), венгерский пограничный город, и устроили там резню. Затем ополчение переправилось через Саву. Византийский комендант Белграда безуспешно пытался утихомирить это войско, которое Петр Пустынник уже не мог сдерживать. Жители Белграда бежали, византийцы укрылись в Нише, укрепленном пункте провинции. Белград был разграблен, и крестоносцы явились в Ниш, где комендант города согласился предоставить им провиант при условии, что они немедленно проследуют на Восток. Петр соблаговолит принять эти условия. Однако возник конфликт между крестоносцами и жителями пригородов Ниша; в конфликт вмешалась также византийская армия, состоявшая в основном из подразделений тюрок-печенегов. Значительная часть ополчения была перерезана на месте. Затем, в Софии (12 июля), крестоносцы получили от Алексея конвой, который провел их к Константинополю примерно через две недели после прибытия туда Готье (август 1096).

После того как ополчение Петра Отшельника выступило из Кельна, в городе оставались еще войска, в основном, французские, во главе с Фулькером или Фолькмаром (возможно, он и Фульк из Орлеана – одно и то же лицо), бывшим монахом. Возможно, это были те же войска, которые уже устроили погромы в нескольких еврейских общинах Франции, но у нас нет точных сведений об их похождениях в пределах Германии. Через несколько дней после ухода из города войска Петра Отшельника Фолькмар двинулся на юг по направлению к Богемии. Во второй половине мая его войска прибыли в Прагу. Король Богемии, Вратислав, воевал в то время в Польше, а городом управлял епископ Козьма (Cosmas). Войско Фолькмара

поставило местную еврейскую общину перед выбором: крещение или смерть. Многие члены общины были убиты, многие другие были заставлены креститься. Козьма, который пытался спасти евреев, ничего не мог предпринять против вооруженной силы крестоносцев.

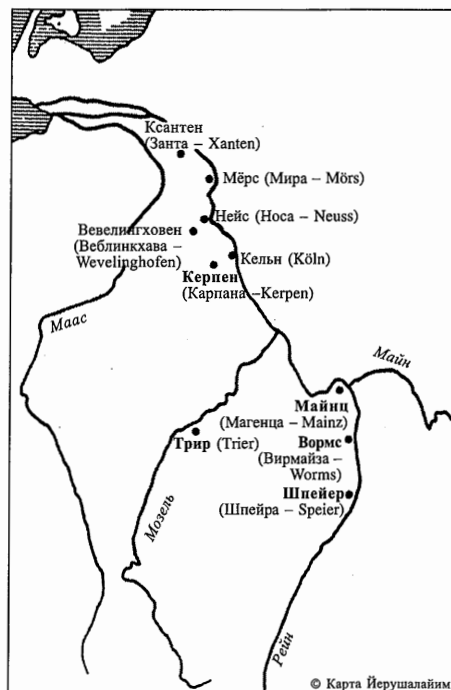
В это же время, когда община Праги была поставлена перед выбором – смерть или духовное уничтожение, начались страшные погромы в рейнских городах. Здесь общины испили горькую чашу до дна. Во главе погромщиков стоял влиятельный французский аристократ Гийом ле Шарпантье, виконт де Мелён и Гатинэ (Guillaume le Charpentier, vicomte de Melun et Gâtinais). Третьего мая его войска вошли в Шпейер. Общину спасло вмешательство епископа Иоанна, который собрал евреев в своей крепости; там они скрывались всю неделю, пока погромщик был в городе. 18 мая их войска прибыли в Вормс. И здесь епископ Альбранд пытался сначала защитить общину, укрыв ее в своей крепости. Однако спустя неделю он сообщил членам общины, что не может больше выдерживать осаду крестоносцев, и потребовал, чтобы евреи приняли крещение. Община освятила Имя, евреи убили себя, “чтобы не попасть в руки скверных”. Неделю спустя эти же войска прибыли в Майнц, чтобы встретиться с “отцом скверных” Эмихо. Это был владетельный немецкий аристократ. Его крепость находилась к югу от Вормса, в Альтлейнингене (Altleiningen, отсюда его прозвище: Emile von Leiningen), однако жил он, по-видимому, в Майнце, куда прибыли теперь французские ополчения. Из всех врагов Израиля этот Эмихо был самым страшным; он утверждал, что в божественном откровении получил приказ: привести евреев к крещению или уничтожить их. Духовного или физического уничтожения евреев также добивались погромщики, осаждавшие замок Рутарда (Ruthard II), родственника Эмихо и одного из вождей церковной оппозиции императору Генриху IV. Эмихо ворвался в замок и учинил резню, убивая всех, кто отказывался изменить своей вере. Некоторым евреям удалось бежать и спрятаться в окрестностях замка, но меч нашел и их, хотя уничтожили их уже не войска Эмихо. Отряды Эмихо, насытившись еврейской кровью, ушли на юг, через Вюрцбург и Нюрнберг, и 10 июня прибыли в Регенсбург, где они

уничтожили еврейскую общину города, после чего они продолжили свой путь к границе Венгрии.

Тем временем в Кельн пришли новые войска, смешанные ополчения, состоящие из англичан, фламандцев и лотарингцев. Эти звери, попробовавшие уже еврейской крови, не желали отказываться от своей добычи. Архиепископ города, Герман III, граф фон Нордхайм (Hermann III, Graf von Nordheim), вместе с горожанами пытался спрятать евреев, а затем распределил их по близлежащим деревням. Погромщики удовольствовались на тот момент грабежом еврейского имущества. Около трех недель кельнским беженцам удавалось скрываться. Но 24 июня были обнаружены беженцы в Нейсе (Носа – Neuss), днем позже – в Вевелингховене (Веблинкхава – Wevelinghofen), к югу от Нейса, и 30 июня – в Мёрсе (Мира – Mörs), к северу от Нейса. Всякий, кто отказывался креститься, был убит, а крестьяне – участники похода вернулись после “победы” в Кельн.

Карта

Гонения 4856 (1096) года

Затем в Кельн прибыло ополчение французских крестьян, которое в конце мая громило евреев в Руане, а теперь направлялось на Восток. В середине июня они уничтожили общину Меца, но в Трире им не удалось повторить свой подвиг, т. к. евреи приняли решение освятить Имя и убили себя. Вновь и вновь повторяется это страшное деяние, высшая форма еврейской самоотдачи: принесение себя в жертву ради освящения Имени. По пути из Трира в Кельн ополчение обнаружило кельнских беженцев в городке Альтенар (Илинция или Илинира) и в деревне с тем же названием. 26 и 27 июня эти беженцы были убиты, и в это же время та же судьба постигла беженцев, прятавшихся в Зинциге. 1 июля мясники завершили свой труд уничтожением евреев Керпена (Карпаны), после чего они вернулись в Кельн.

Три месяца подряд – “с ийара по таммуз” (май – июль) – на берегах Рейна и Дуная пила германская земля еврейскую кровь. Так закончилась одна из глав еврейской истории в Европе и начался новый период жизни евреев в изгнании под властью христиан, период, подобного которому еще не бывало. Пошатнувшееся положение общин через какое-то время восстановилось, но ненависть и ужасы резни, учиненной во имя религии, на пути к спасению душ и царству Всевышнего в Иерусалиме, надолго определили отношения евреев с их христианским окружением. Крестовый поход, который должен был стать путем очищения и святости для христиан и обещал присоединение каждого убитого христианина к легионам мучеников (публично освятивших Имя, укрепляющих христианскую веру и просящих Всевышнего за христиан), возобновил вместо этого еврейский мартиролог и еврейское освящение Имени, восходящее ко временам Второго Храма. Тогда деяния освящения Имени послужили примером и источником вдохновения для христианского мученичества, которое и в этом случае заимствовало из еврейской традиции и еврейского религиозного чувства. Гонения 4856 (1096) года – тяжкий период в истории войны христианства с иудаизмом. “Религию любви” несли на остриях копий, увенчанных отрубленными головами сынов народа, духовными наследниками которого полагали себя христиане¹⁸.

Справедливости ради следует сказать о поведении высшего духовенства во время этих погромов. Почти везде высокие церковные иерархи принимали сторону евреев. Можно, правда, предположить, что в основе такого поведения лежали, среди других, весьма земные интересы: необходимость защитить важный источник доходов церковных иерархов, управляющих городами. Тем не менее было бы ошибкой не увидеть здесь главного – влияния официальной позиции церкви, которая основывалась на писаниях отцов церкви в 4 – 6 веках и была вновь сформулирована в 11 веке. Возможны были теологические споры о том, имеют ли насильственно крещенные евреи право вернуться к иудаизму после того, как они “прошли таинство” крещения, сверхъестественное действие которого практически неподвластно человеку¹⁹; как бы то ни было, убийство евреев запрещалось церковью, поскольку, в соответствии с упомянутой позицией, само существование евреев и то положение, в котором они находились, являлись “свидетельством веры”, подтверждающим правоту христианства, а также еще и потому, что евреям предстояло в будущем признать Иисуса, которого в слепоте своей они отвергли когда-то, и принять христианство в конце дней. Церковные иерархи пытались придерживаться именно этой линии по отношению к евреям во время гонений 4856 (1096) года.

Ни одно из крестьянских ополчений, о передвижениях которых мы говорили, не добралось до Константинополя. Часть разбрелась не покидая Германии, завершив свой разрушительный труд в рейнских общинах. Ополчение Готшалька, собранное из крестьян восточных районов Франции и Баварии, направлявшееся в Венгрию вслед за войском Петра Отшельника, было уничтожено по приказу Коломана, короля Венгрии; последнему пришлось защищать крестьян, которых грабила неорганизованная толпа крестоносцев. Похожая судьба постигла и отряд Фолькмара. Коломан, наученный горьким опытом, отказался пропустить ополчения Эмихо через свою землю. В столкновении с венграми, а затем в битве под Вайсельбургом войско Эмихо было разбито. Только несколько сопровождавших его рыцарей сумели добраться до Константинополя. Сам он вернулся в Германию. Следует отметить, что в

христианском мире раздавались голоса тех, кто считал эти поражения наказанием небес за еврейские погромы²⁰.

История “крестьянского крестового похода” в Европе завершилась еще до наступления осени 1096 года. Вскоре должен был прийти конец и тем немногим, кому удалось добраться до Константинополя. Неделью простояли они лагерем под Константинополем, так как император Алексей отказался пустить их в столицу, а затем разбой стал таким, что Алексею снова не осталось ничего другого, как переправить их без промедления на азиатский берег. Крестоносцы обращались с местными жителями как с врагами, а с их имуществом – как с брошенным. Не спаслись даже церкви: крестоносцы начали снимать с церковных крыш свинцовое покрытие. Может быть, поэтому легче было поселить их в одном месте и позаботиться об их пропитании, чем определять их под контроль городской стражи и тюркских подразделений для охраны пригородов.

Итак, ополчения были переправлены в Киботос на Мраморном море, чтобы там дожидаться прибытия остальных войск из Европы. Сельджукская граница была рядом, и отряды крестоносцев расположились в окрестностях города Никея, столицы Кылыч-Арслана. В сентябре сельджукам удалось уничтожить один отряд, который захватил крепость под названием Ксеригордон (местоположение до сих пор не установлено), а в конце октября остаток ополчения был уничтожен турками из Никеи. Если кому-то из крестоносцев удалось спастись, то это произошло благодаря Алексею, который, услышав о резне, устроенной турками, послал суда, чтобы вывезти тех, кто уцелел, и переправить их в Константинополь.

Это первое столкновение крестоносцев с сельджуками и первая их встреча с Византией оказали серьезное влияние на дальнейший ход событий. Иллюзия возможности легкого завоевания и уничтожения слабодушных турок испарилась уже к концу 1096 года. Был здесь и религиозный аспект событий: христианский бог почему-то не вышел победителем из первого столкновения с исламом.

Однако вера европейцев в превосходство и всемогущество христианского бога не пошатнулась; только через пятьдесят лет подобное поражение повергнет верующих в изумление, за которым последуют сомнения или даже еретические размышления. В обсуждаемый период поражение не повлияло на их веру, однако ощущалась потребность его объяснить, поскольку невозможно было согласиться с теми (особенно много их было в Германии), кто считал этот поход поступком легкомысленных глупцов. Поражению подыскивали объяснение: был найден козел отпущения в лице императора Алексея. Очень быстро забылись его заслуги и милости, посылка проводников и поставки провианта, денежная помощь крестоносцам и снисходительное отношение к их бесчинствам. В противовес этому вспоминалось все, что крестоносцам было непонятно: тюркская стража на балканских дорогах, запертые ворота Константинополя перед ополчениями и перевод их в Азию. Те, кто пришел спасти христианский Восток и декларировал христианское братство, превратились, таким образом, во враждебный и озлобленный лагерь, затаивший глубокую неприязнь к византийцам, которые стали теперь в их глазах греческими мошенниками, друзьями неверных и врагами христианства.

В то же самое время, когда “крестьянский крестовый поход” выступил из Европы, шла подготовка к организованному военному походу, походу рыцарей, о котором мечтал и который благословил сам римский папа. И здесь результаты пропаганды превзошли все ожидания. Папа планировал поход одного ополчения, состоящего большей частью из жителей юга Франции. Но в конце концов было сформировано четыре больших ополчения под руководством влиятельных аристократов; каждое из них состояло из аристократов и рыцарей-вассалов, его сопровождали слуги и местные крестьяне, которые присоединились к организованному походу.

Лоренское ополчение включало выходцев из Лотарингии, из районов устья Рейна и южной части равнинных районов. Территории, откуда происходили эти крестоносцы, находились в пределах Римской империи, т. е. в Германии, однако из этого нельзя

сделать никаких выводов о национальной принадлежности этих рыцарей. В этом ополчении говорили на французском валлонцы и французы, но были там также фламандцы и немцы. Возглавлял это ополчение Готфрид Бульонский. Вождь говорил и по-французски, и по-немецки. Спор о национальной принадлежности Готфрида Бульонского, ставшего одним из самых почитаемых героев крестовых походов, чем-то похож на спор о национальной принадлежности Карла Великого. Французы и немцы не могут его поделить, а нейтральная страна, Бельгия, не уступает его ни тем, ни другим. Статуя Готфрида Бульонского украшает самую большую площадь в Брюсселе, а местом его рождения считается маленький городок Бэсси (Baissy), находящийся недалеко от столицы, хотя законные претензии имеются и у города Булони, что на берегу Ламанша²¹ во Франции. Готфрид Бульонский состоял в родстве с самыми высокими аристократическими семействами Европы, поскольку и его мать (Ида, сестра герцога Нижней Лотарингии, Готфрида Горбуна), и его отец (Эсташ – Eustache, граф Булонский) были потомками Карла Великого. После смерти его дяди, Готфрида Лотарингского, наш Готфрид унаследовал его владения, а его старший брат Эсташ (Второй) остался графом Булонским. В этой семье была очень сильна проимператорская традиция, и во времена Генриха IV Готфрид Горбун был одним из наиболее ярых сторонников императора против папства. Готфрид Крестоносец тоже числился среди сторонников императора и участвовал в войнах в Италии на его стороне. Правда, войны между императором и папством везде на территории империи превращались в местные конфликты, в которых споры об имуществе и правах играли не менее важную роль, чем центральная проблема – соотношение двух основных сил, духовной власти и светской, в христианском мире. Назначение проимператорски настроенных епископов приводило к возникновению антиепископской коалиции, церковной или светской, которая, рядясь в тогу “реформаторской” святости, претендовала на имущество, принадлежащее местным церквям; и наоборот, епископ из “партии реформы” часто мог ожидать возникновения проимператорского фронта, члены которого “во имя императора” разбойничали в округе. Однако Готфрид, маркграф Антверпена

и – с восьмидесятых годов 11 века – герцог Нижней Лотарингии²² и граф Булонский (по отцу), обычно становился на сторону императора. На этом примере мы можем оценить силу пропаганды крестового похода: даже в этом проимператорски настроенном регионе столь многие откликнулись на призыв папы, что они одни составляли огромное ополчение.

Примечания

1. Так началась новая важная глава в истории “искупления грехов” (*indulgentiae*, индульгенции) христианской церкви. См. Mansi, *Sacrorum consiliorum... collectio*, t. XX, col. 816 § 2. Последующие папы, даруя привилегии крестоносцам, опирались на решение Урбана II. Однако развитие этой идеи и сами привилегии мы видим не ранее, чем во время Второго крестового похода. См. ниже в разделе: “Второй крестовый поход – поход спасения душ”.
2. Великая заслуга Генриха фон Зибеля в том, что он указал (1841) на легенду о роли Пьера Амьенского в организации этого первого крестового похода. Это положило начало новому периоду в исследовании крестовых походов (H. v. Sybel, *Geschichte des ersten Kreuzzuges*, 1841). Проблема кратко излагается в работе Хагенмайера. См. библиографию к этой главе.
3. Важное исследование в этой области принадлежит Th. Wolff, *op. cit.*, 109 – 116.
4. Неопровержимые доказательства см. в исследовании, к сожалению, пока не завершено, Й. Бера, *Гонения 4856 года*, (Иерусалим 1953) (ивр.), с. 126 и далее.
5. В изд. А. М. Абермана, с. 24.
6. Т. е. могилу Иисуса в Иерусалиме.
7. Т. е. Иисуса.
8. Ср. эсхатологические видения в Иез 38-39 (прим. пер.).
9. Adonis abbas Dervensis, *Libellus de Antechristo iuxta Albini magistri, De adventu Antechristi ad Heribertum Coloniensem episcopum*. P. L., t. 101, col. 1288 – 1298. Сочинение Адсона (середина 10 века), настоятеля монастыря Монтье-ан-Дэр (Montier-en-Der), было переписано около тысячного года Альбином из Горце (Gorze) и получило широкую известность.
10. S. Gregorius, *Moralia*, lib. 35, c. 14 (in Job, c. 42) § 26: ‘*Conversio Iudaeorum in fine mundi praenuntiata*’ P. L., t. 76, col. 763.
11. Тайны рабби Шимона бар Йохайя (ивр.); рабби Шимон бар Йохай (Рашби) – ведущий таннай, которому традиция приписывает авторство Книги Зофар и основоположническую роль в создании каббалистического учения (прим. пер.).

12. См. Ис 11, 9 (прим. пер.).
13. В сочинении, упомянутом в прим. 9, говорится о том, что последний римский император придет в Иерусалим, сложит на Масличной горе корону и скипетр и тем самым положит начало событиям конца дней. См. col. 1294. В соответствии с “Сивилинным пророчеством”, после крещения евреев пройдет 112 лет власти великого царя. Затем он придет в Иерусалим и передаст царство Богу-отцу и сыну его Иисусу – мессии. Там же, col. 1296.
14. Рабби Шломо, сын рабби Шимона, “Рассказ о гонениях”, с. 29: “К нему пришел посланец распятого и дал ему знак на плоти его, чтобы сообщить ему, [что] когда придет в греческую Италию (т. е. в Южную Италию, принадлежавшую Византии), придет к нему сам [распятый], и увенчает его венцом царства, и победит [он] своих врагов”. И см. важную работу P. Alphandégu, *op. cit.*, 73 ss. Исследователь не завершил этот труд, который был опубликован его учеником на основе его лекций. Эта область – взаимодействие между еврейскими и христианскими воззрениями и их связь с крестовыми походами – пока еще ожидает исследования еврейскими учеными.
15. *Cantilenam de ultreia cantare* ([Они] пели песню заморского [странствия], лат.). Слово *ultreia* близко по происхождению к французскому *oultre* – “через, за”; *oultre mer* – “через море”, “за морем”. См.: F. Oeding, *Das altfranzösische Kreuzlied* (Braunschweig 1910), 33.
16. “Audi nos Rex Christe / audi nos Domine, / et viam nostram dirige / Deus miserere / Deus miserere / et viam nostram dirige / ... Ducem nobis praebe, / angelum adhibe, / qui nos deducat ante te!” E. de Ménil, *Poésies populaires latines du moyen-âge* (Paris 1847), 56 – 59.
17. Alexandri II, ep. Cl. P. L., t. 146, col. 1386.
18. Об освящении Имени см.: Б. Динур, “Освящение Имени и осквернение Имени”, *Маханайим* 1960 (ивр.). Ш. Шпигель, “Из высказываний о заклании Йицхака: Сожженные в Блойше (Блуа) и возобновление кровавого навета”, сборник к юбилею М. Каплана (1953) (ивр.), с. 267 и далее, и особенно, X. Г. Бен-Сассон, *Главы из истории евреев в Средние века* (Тель-Авив, 1958) (ивр.), с. 172 и далее.
19. Официальная позиция церкви по этому вопросу такова: таинство считается совершенным, если тот, кто его проходит, не выказал явного сопротивления во время его свершения, а также при условии, что совершающий таинство представитель церкви тоже не осквернил его выражением чего-либо несоответствующего церковному ритуалу.
20. В сравнении с этими выражениями человеческого чувства в разгар событий конца 11 века странно звучат слова немецкого историка в конце 19 столетия, который в заключение своего исследования пытается подытожить результаты резни так: “Так, в четырех рейнских общинах было не более трех тысяч жертв, а не двенадцать тысяч, как утверждает некий источник... В самом худшем случае от меча паломников погибло десять тысяч французских, немецких и богемских евреев, а не сто тысяч, как воображает французский автор”. См.: Th. Wolff, *op. cit.*, 168 – 169. И еще велика радость этого немецкого ученого, автора важного исследования, по поводу того, что погромы устраивали не немецкие крестоносцы, а французы. Это они громили, и они же подбивали к погромам немцев (там же, с. 92 и далее).
21. Boulogne sur mer, не путать с Bouillon (Буйоном), сегодня – крепостью в герцогстве Люксембург.
22. Нижняя Лотарингия была сначала передана сыну императора, Конраду, и лишь затем – Готфриду.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ХАСИД*

Йааков Кац

Потрясения, пережитые еврейскими общинами Европы во времена крестовых походов, пробудили в еврейском мире чувства, не проявлявшиеся в более спокойные времена. Следует предполагать, что, раз проявившись, новые представления и понятия впоследствии не изгладились из еврейской памяти, а стали постоянным элементом повседневной жизни общины, особенно в тех ее аспектах, которыми определялись отношения еврейской общины с внешним миром. Тем не менее, неправильно приписывать влиянию крестовых походов все изменения, возникшие в эту эпоху в отношениях еврейского мира с его нееврейским окружением, — а именно эта ошибка чрезвычайно распространена в еврейской историографии. В данном случае связь между причиной и следствием более сложна: сами крестовые походы следует рассматривать как следствие религиозного напряжения, сказавшегося в духовной жизни Центральной и Западной Европы с самого начала 11 века. Этот напряженный настрой нашел свое выражение и в еврейской, и в христианской среде: готовность к самопожертвованию ради освящения Имени в еврейском мышлении сравнима с настроением, навеянным религиозно-реформаторским движением, которое возникло в монастыре Клуни и распространилось в

христианском мире в ту же эпоху¹; аналогичным образом, религиозному движению францисканцев параллельно учение германского хасидизма, распространившееся среди еврейских общин еще при жизни рабби Йеуды Хасида (1146 – 1217)².

Само то обстоятельство, что явления, связанные с историей культуры еврейского общества, могут быть вызваны тем же историческим процессом, что и явления, относящиеся к развитию христианской мысли, было признано историками только в нашем поколении. Это произошло прежде всего благодаря научным работам Йицхака Бера³. Сами носители изучаемых верований и мнений, христиане и евреи, вряд ли ощущали какую-либо общность в элементах своего мировоззрения. Обострение религиозного сознания тех и других не сблизило их друг с другом, а наоборот, религиозное чувство и опыт только усилили приверженность каждой стороны своей собственной традиции, а с усилением привязанности к основам собственной веры в каждом из этих обществ возрастало отвращение к символам религии другого. Христианский религиозный фанатизм 12 и 13 веков нашел свое выражение не только в ужасах крестовых походов, но и в антиеврейском церковном законодательстве. В то же время среди евреев

* Кац, Йааков, "Хасид", Между евреями и христианами, Мосад Бялик, Иерусалим, 1961, 98–108 (ивр.).